

СЛЕЗА ФАРАОНА

1

А еще потому, что день катился к закату, монотонно стучали колеса и за окном проплывали все те же скучные равнины, было невыносимо грустно и очень хотелось выпить. Но грусть исходила вовсе не из-за однообразия за окном и не из-за монотонного стука под ногами, а из-за того, что Елена не пришла проводить. И хотя она предупредила, что светиться на перроне не намерена, чтобы не породить лишних разговоров, легче от этого не становилось.

Вчерашний гвардии рядовой, а ныне типичный дембель, — здоровенный, краснощекий, с роскошными пшеничными усами, пышущий здоровьем и недюжинной силой, пахнущий махрой и солдатскими портянками лежал на верхней полке в почти пустом купе и предавался упадочническим мыслям о никчемности бытия. Ведь сколько он отмаршировал, отстоял караулов, отсидел гауптвахт, сколько слопал перловки, выкурил чабков, выпил компота — и все, оказывается, напрасно, потому что теперь, когда он летел домой на всех, как говорится, парах, не с кем было не только раздавить бутылочку, но и перекинуться парой слов. На соседней полке лицом к стене сопел молодой человек в адидасовском спортивном костюме, и сопел уже пятый час. Точнее сказать, когда Иван со своим гранатометным чемоданом ввалился в купе, пассажир уже спал, и с тех пор он не только ни разу не поднял головы, но даже не пошевелился.

Было тоскливо. За окном поля менялись лесопосадками, лесопосадки опять полями, иногда мелькали маленькие станции и просвистывали встречные поезда, иногда ничего не просвистывало, а только монотонно постукивало в буферных и колесных недрах под нижней полкой. Радио шипело и издавало что-то неразборчивое, газет не было, книгу читать не хотелось, а мысли опять возвращались к ней, и от этого дыхание перехватывало и под ложечкой как-то кисло посасывало. Она, конечно, предупредила, что на перроне может расплакаться, а ей бы очень не хотелось, чтобы слезы видел муж, которому и без того не сладко. А кому сладко? Степанцову что ли сладко? Все-таки нужно было взять девчонку в охапку и увести с собой.

На какой-то серой узловой станции, где стояли очень долго и с изуверским занудством заправлялись водой, в купе неожиданно вошел смуглый небритый мужчина в засаленной шляпе и мятом плаще. Он был высокого роста и восточного вида, но выглядел как-то не по-восточному устало, если не сказать, что жалко. Его неопрятность бросалась в глаза не сразу, но притворившийся спящим дембель сквозь ресницы тут же распознал, в чем дело. Таким же неухоженным и унылым был их начальник штаба майор Тундряков, Еленин муж. «Мужчины, которых не любят женщины, удивительно похожи», — подумал дембель, и еще подумал, что на сегодня ничего не остается, как отрубиться, тем более что за окном уже стемнело, и в вагоны подали желтый свет, который не столько освещал, сколько наводил тоску. Словом, как говорил сержант, ловить, кроме блох, нечего, да и это неблагоприятное занятие.

Незнакомец, не спеша, прошел в купе, сел у окна и печально снял шляпу. Он расстегнул потрепанный портфель, но доставать ничего не стал, только тяжело вздохнул и надолго уставился в окно. После того, как поезд с недовольными рывками и нервным скрежетом, наконец, отправился дальше, он поднялся и нехотя стащил с себя плащ. Неаккуратно бросив его на сиденье, пассажир с сожалением посмотрел на своих спящих попутчиков и, вздохнув еще более безнадежно, полез в портфель. Он долго рылся, шурша газетой и скрипя одеревенелой кожей портфеля, наконец, извлек на свет божий бутылку водки и граненый стакан.

Косящий под спящего дембель видел каждое движение соседа и все больше понимал, почему таких типов не любят женщины. Потому что пьют как сволочи! Пьянство ради пьянства Степанцов не понимал. В употреблении алкоголя всегда должна присутствовать высокая цель. Например, соблазнить повариху, или кастеляншу. Лучше повариху. Она потом накормит. Но ведь начштаба не употреблял ни капли, а жена его не любила. Впрочем, с таким животом не то что искусить повариху, но и свой святой супружеский долг исполнить не просто. А ведь жена у него — кровь с молоком.

Пьянчужка, откусив зубами пробку, налил себе полный стакан и снова с сожалением поглядел на попутчиков. Затем качнул головой, как будто говоря «ну просто судьба глушить в одиночестве», и несуетливо опустошил посуду. Он не только ничем не занюхал, но даже не поморщился. И дембель не без восхищения отметил, что тренировка — великое дело. Точно такую же процедуру незнакомец сотворил со вторым стаканом, и Степанцов догадался, что лицезреет не иначе профессионала.

После этого наступила тишина. Сосед слева перестал сопеть, новоявленный тип уставился в окно и застыл наподобие египетского изваяния. А колеса по-прежнему мерно отстукивали километры.

Тоскующему по Елене дембелю уже виделось какое-то подобие сна. Ему мерещилось, как после отбоя они с женой начштаба нырнули в пустую бильярдную и защелкнули на дверях замок, и что Елена не возражала, когда он выключил свет и нащупал в темноте ее дрожащую руку. Но в ту минуту, когда солдат в страшном волнении приблизил свои усы к ее губам, опять раздалось будоражащее бульканье льющейся водки.

«За десять минут бутылку? — неприятно чиркнуло в мозгах. — Ну и перец. Как бы не стал горланить песни, или приставать с пьяными разговорами». Пьяные разговоры Иван ненавидел с детства. Но, кажется, это интеллигентный пьянчужка. Самое большее, на что он способен, промурлыкать что-нибудь в стиле ретро.

Спутник в очередной раз сокрушенно вздохнул и осторожно опустил пустую бутылку под стол. Затем опять принялся шелестеть газетой. Сосед слева прежде, чем перейти на храп, пробормотал во сне что-то крайне возмущенное и, не меняя положения, закрыл ладонью ухо.

Незнакомец достал из портфеля вторую поллитровку, ловко отгрыз пробку и снова налил стакан до краев. Перед тем, как выпить без занюхивания, он по обыкновению поднял глаза на соседей и вдруг внезапно встретился с изумленным взглядом гвардии рядового. Видавший виды солдат смотрел на него восхищенным взором и в ту минуту мог отдать зуб, что глаза незнакомца были совершенно трезвыми.

2

Даже при таком специфическом освещении Степанцов не мог не увидеть, что не только глаза, но и лицо незнакомца не выдавало ни малейших признаков опьянения. Его скулы оставались по-прежнему смуглы, без каких-либо пунцовых алкогольных пятен. Лицо, неделю не видевшее бритвы, не было лишено благородства. Мужчина больше походил на араба, чем на горного брата кавказца. Впрочем, самым отталкивающим в нем было именно дикое пренебрежение к одежде, а совсем не внешний физиономический облик. Его физиономия больше отражала сонную интеллигентность, чем гидролизную синюшность.

3

— Добрый вечер, — сказал мужчина с тонкой улыбкой, без какого-либо намека на запинание. — Очевидно, на дембель?

— Так точно! — ответил Степанцов и почему-то застеснялся. — Как говорится, отдал свой долг Родине. Теперь домой!

— Прекрасно! — обрадовался пассажир. — Давайте это дело и отметим. Слезайте!

В его широком жесте было что-то подозрительно несовременное, от пятидесятих, или даже от двадцатых годов, несмотря на то, что он выглядел не более чем на сорок.

— Слезайте, слезайте! И будите вашего соседа. Для сна существует ночь.

Степанцов собрался было вежливо отказаться и даже качнул для этого головой, но в последнюю секунду раздумал и стал неторопливо, разумеется, с полным дембельским достоинством, сползть с полки.

— Этот гражданин спит уже шестой час, — пояснил он шепотом с вытаращенными глазами. — Мне кажется, его будить бесполезно.

— Бесполезно, так бесполезно, — согласно вздохнул незнакомец и полез в портфель.

Немного пошарив в нем, он вытащил второй граненый стакан и свежий хрустящий батон, затем — кружок копченой колбасы, кулечек с яйцами, банку шпротов и половину жареной курицы. Глядя на такое изобилие, дембель застеснялся еще больше и вдруг неловко полез в чемодан за салом и кашей с говядиной, выделенные ему в столовой в качестве дембельского пайка.

— Не надо, ничего не надо! — замахал руками сосед, не вынося суеты этого детины. — Садитесь! У нас все есть, и нам этого хватит. Один черт я в дороге не ем.

Но Степанцов все равно извлек из недр армейского чемодана приличный шмат сала, две банки с консервированной кашей и бутылку спирта. Он небрежно свалил все это на столик и, несколько насупленный, сел напротив соседа. Тот не заставил себя долго ждать: тотчас схватил бутылку и налил ему полный стакан водки. Затем ненавязчиво пододвинул колбасу.

— За ваше увольнение, — обаятельно улыбнулся пассажир, поднимая стакан, — как говорится, будем!

Уволенный лихо чокнулся с попутчиком и браво опрокинул посудину. После чего долго со страдальческой миной нюхал рукав, хлопал мясистой ладонью по губам и, как выброшенный на берег лещ, отчаянно хватал воздух. Наконец успокоился и зажевал водку бутербродом, который участливо протянул ему сосед.

— Крепка, зараза, — произнес дембель вместо спасибо.

После этого некоторое время ехали молча, глядя в окно на ползущие в окне огни. Сосед задумался, а Степанцов неожиданно принялся энергично разделяваться с курицей.

— Закусывайте, закусывайте, — подбадривал незнакомец, не отрывая полусонного взгляда от окна, — на меня не обращайтесь внимания. У меня, знаете ли, в дороге никогда не бывает аппетита. У меня и без дороги никогда его не было.

От граненого стакана водки в солдатской душе потеплело, робость перед незнакомцем прошла, однако настроение не улучшилось. Новый поток грусти нахлынул на дембеля, и он, выронив из рук недоеденную курицу, тяжело вздохнул.

Незнакомец оторвался от окна и внимательно посмотрел на солдата.

— Может, еще?

— Можно! — кивнул Степанцов, и тут же решил, что, как только доедет до дома, то переоденется в гражданку, раздавит с друзьями бутылочку и на следующий день утренним поездом обратно покатит в часть.

Эта мысль немного успокоила и частично улучшила самочувствие, но тяжести с души не сняла. Тем не менее, гвардии рядовой весьма жизнерадостно чокнулся с незнакомцем и опустошил еще полстакана.

— Ну что, может быть, в картишки? — предложил солдат, утирая рукавом усы. — В козла умеете? Или в девятку? А можем просто в дурака!

Если бы только мог услышать уволенный, как обмерло сердце его попутчика. Сосед на верхней полке нервно дернулся, словно его кольнули иглой, и, не просыпаясь, выдал в обвинительном тоне целую речь, из которой собутыльники не разобрали ни слова. Степанцов приложил палец к губам, а пассажир, подавив волнение, с застенчивой улыбкой произнес:

— Что ж, в дурака, так в дурака. У вас далеко карты?

— В чемодане! — подпрыгнул Степанцов, скатываясь под сиденье.

— Не трудитесь! — остановил пассажир. — У меня тоже есть карты.

В ту же секунду он, точно фокусник, вытащил из нагрудного кармана новенькую колоду. Если бы Степанцов не был так пьян, то, безусловно, заметил странную перемену в настроении соседа. Во-первых, глаза его выразительно заблестели, и улыбка из уныло-трагической превратилась в победно-ликующую. Он тасовал карты медленно, как бы нехотя, а на самом деле — с наслаждением, едва удерживая внутри откуда-то взявшийся восторг.

— Может, еще по граммулечке?

— Не помешает.

Но даже после нее при этом тусклом свете Степанцову бросились в глаза тонкие кисти попутчика и то неуловимое изщество, с каким он перемешивал колоду.

«Шулер! — равнодушно мелькнула в голове, и дембель в сотый раз пожалел, что не взял с собой Елену. — Ведь можно было уговорить, настоять, стукнуть, наконец, кулаком по бильярдному столу».

— А знаете ли вы, что такое карты, и в чем их истинный смысл? — вкрадчиво спросил незнакомец, поднимая на дембеля глаза.

Ну еще бы Степанцову не знать! А с чем он коротал свои длинные солдатские вечера, а иногда и целые ночи напролет, наглухо закупорившись с товарищами в тесной каптерке? За два года он освоил все, что может освоить отличник боевой и политической подготовки: покер, тушку, девятку, преферанс, очко... А смысл карт? Конечно же — воспитательный! Чтобы с чувством, с толком, с расстановкой хлестать колодой по ушам проигравших товарищей. К чему слова? Можно сказать, что только благодаря картам он и познакомился с Еленой Прекрасной.

Это произошло под утро, за полчаса до пробудки. Они всю ночь дулись в девятку и наверняка бы проворонили подъем, но в самый азартный момент в каптерку вошел никогда не дремлющий дежурный. И вот в то утро, когда их всех четверых торжественно повели на гаубвахту, у ворот КПП они и встретили эту грациозную красавицу со спортивной сумкой на плече...

— Знаете ли вы, кто и с какой целью задумал их такими и какие вложил в них тайны? — продолжал блаженно улыбаться попутчик, раскладывая на столе атласные стопки. — Знаете ли вы, откуда они пришли и куда потом уйдут?

Незнакомец поднял глаза и насквозь прострелил отличника боевой и политической подготовки.

— Знаете ли вы, что карты являются ключом всей человеческой мудрости?

Дембель сдвинул брови и важно надул губы. Он не особенно понял смысл последней фразы, но сообразил, что речь идет о вещах особой важности. Пассажир еще внимательней взгляделся в мутно покрасневшего попутчика в погонах и, снизив голос до шепота, произнес:

— Открою вам великую тайну: до карт все сокровенные знания человечества хранились в лабиринтах египетских храмов. Но в пятьсот тридцатом году до нашей эры, когда в Персии умер

великий Кир, Верховные жрецы Египта собрались на последнее совещание в погребальной пещере фараона Рамзеса Второго...

3

Если бы раньше знать, как тоскливо будет ехать на дембель, то, вероятно, Степанцов остался бы на сверхсрочную. Только кто бы его оставил? За два года боец столько раз сидел на губе, что было удивительно, как он не завершил своей армейской карьеры в дисбате? Гражданина солдата исключительно спас его беззлобный нрав. Он не заслужил ни единой лычки на погонах, но это, скорее, говорило о том, что прислуживаться ему было тошно. Как получил в начале службы чистые погоны, так и возвращается с чистыми. «Это оттого, что совесть чиста», — заключил дембель и вдруг увидел на том месте, где только что сидел попутчик, каменного сфинкса.

Дембель зажмурился и пьяно затряс головой. «Пора освежиться», — мелькнула робкая мысль, и сфинкс напротив принялся нехотя растворяться в пространстве. Но за ним неожиданно начала открываться панорама Древнего Египта.

Это не удивило и не испугало гвардии рядового. Подумаешь, Древний Египет. И поужаснее видел вещи. К примеру, — пьяного сержанта. Вот Лены нет — это невыносимо.

Наконец, с высоты птичьего полета среди желтого моря песка обозначилась точка. Она начала быстро приближаться, расти и преобразовываться в узкий, едва заметный лаз в пещеру. Вслед за тем вход в пещеру стал катастрофически расширяться, углубляться, плутать и превращаться в минотавровские лабиринты. Появились чадающие светильники, а под ними неподвижные воины, вооруженные длинными копьями. В конце концов, в огромной каменной зале усталым дембельским глазам предстали наголо бритые люди в белых одеждах, почтительно обращенные к открытому саркофагу. Это были ни кто иные, как Верховные жрецы Египта, и среди них ныне здравствующий фараон Псаметих, подозрительно смахивающий на его собутыльника.

Рамзес Второй покойно лежал в саркофаге в золотой маске под роскошными цветными покрывалами, и казалось, что грудь его медленно вздымалась в этой замогильной тишине. Но такую иллюзию давали дрожащие тени от мерцающих светильников. Это откуда-то (черт знает, откуда?) гвардии рядовой знал. Рядом с саркофагом Рамзеса стоял еще один саркофаг, но только наглухо

придавленный каменной плитой. «Это, должно быть, гроб его жены, Нефер-Ами, — догадался дембель, — той самой, которая, будучи в девках, во время купания в Ниле нашла в тростнике плачущего младенца Моисея». Над мумиями возвышался каменный Озирис, который, казалось, очень внимательно слушал собравшихся под ним людей. Жрецы говорили по-египетски, но Иван понимал все, до единого слова, хотя и учил в школе всего лишь немецкий.

— Война неизбежна, — говорил старший жрец, и в его голосе слышалась горечь. — Не радуйтесь, что умер Кир. Его сын Камбиз молод и горяч. Ему хочется славы и подвигов, он жаждет превзойти по силе и величию отца, как и все неразумные отроки.

— Но ведь не столь же он неблагоразумен, чтобы разорять святые храмы, которые находятся под защитой самих богов, — возразил другой жрец, помоложе. — Нам известно, как персы благоговеют перед небом.

— О нет, победителю ни к чему благоговение! — перебил Верховный жрец. — Персидская армия сильнее Египетской, и от этого их понятие о благоговении несколько отличается от нашего. К тому же вы знаете, как у толпы с каждым годом убывает почтение к святости и благоразумию. Культура падает, благородство не ценится, о богах вспоминают только тогда, когда накатывают беды. Полтора столетия назад во время ассирийского нашествия мы еще могли брать в расчет благородство Асархофука. Несмотря на то, что он разбил нашу армию и покорил земли наших отцов, его воины не разграбили ни одной гробницы. Но в Персидской Зендавесте нет места милосердию. Там только голый расчет. Поэтому сегодня в этой пещере мы собрались для того, чтобы решить, как сохранить для потомства знания, доверенные нам богами?

После этих слов стали высказываться все жрецы, кроме фараона. Ему говорить было не положено.

— Добродетель хрупка и беззащитна, — соглашались египетские отцы. — Она продажна, а, следовательно, — недолговечна. Зашифровывать знания в добродетель так же бессмысленно, как закапывать святые письмена в землю. Единственно, что вечно в мире, состоящем из презренной материи, — человеческий порок, поскольку на нем, как на дрожжах, и замешиваются людские страсти, определяющие впоследствии судьбы. Только порок неизменен, как эта пустыня, и только он единственный способствует перерождению божественных чувств в животные инстинкты. Порок, только порок способен сохранить сокровенные знания!

Жрец поднял правую руку, и наступила тишина. Обсуждение закончилось. И без того бледное лицо Псаметиха стало еще блее. В глазах мелькнул едва заметный страх.

— Испросим одобрения у великого фараона, — торжественно произнес верховный жрец.

Иван подумал, что сейчас, наконец, дадут слово его милому попутчику. Однако он ошибся. Присутствующие почтительно повернулись к мумии.

И мумия в тот самый миг начала медленно подниматься из гроба. Дембель в ужасе закрыл ладонями глаза и услышал, как ударилась о каменный пол золотая маска Рамзеса. Он вздрогнул и как-то не по-гвардейски залепетал: «Свят-свят-свят! Чур меня! Сержант, это чересчур!» Однако все равно сквозь собственные ладони, сделавшимися прозрачными, продолжал видеть поднимающегося из саркофага Рамзеса. Лицо его было белым, гладким, без единой человеческой морщинки. Еще ни один мускул не дрогнул на его забальзамированных скулах, но дембель уже знал, что самое страшное произойдет тогда, когда он откроет глаза, и упаси Господь встретиться с ним в ту минуту взглядом. Жрецы, кажется, тоже струхнули и трусливо попятились назад. Псаметих же вяло улыбнулся Степанцову и интеллигентно произнес:

— Еще по граммалечке?

— Можно! — кивнул дембель и тяжело вздохнул, вспомнив роскошные волосы Елены.

Вторую пустую бутылку пассажир аккуратно поставил под стол и, тонко игнорируя солдатский спирт, принялся шуршать в своем портфеле какими-то свертками. Пассажир был совершенно как стеклышко, а Иван, между прочим, прилагал усилия, чтобы у него не двоилось в глазах.

— Понимаете, Ваня, в чем истинный смысл карт? — продолжал незнакомец, вытащив из портфеля новую бутылку водки. — В том, что они все умещаются в одной колоде. Так и вся вселенная умещается в одном человеческом сознании. Понимаете?

Еще бы не понимать. Гвардеец за два года прошел все армейские огни и воды. Он бы даже добавил, что сама колода запросто умещается в пилотке, в сапоге, в рукаве и в вещмешке, не говоря уж о нагрудном кармане. Но если эту вселенную на груди неожиданно усечет сержант, то наряда вне очереди в самом гнусном уголке мироздания не миновать.

— Обратите внимание на количество мастей, — продолжал пассажир, разливая по стаканам водку, — почему их четыре? Потому что на земле было четыре расы, но только одна из них

козырная, а, следовательно, — только одна из них несет крест человеческих грехов — крест судьбы или тяготы Кармы, — понимаете, как хотите.

— Я... Я знаю! — взволнованно подхватил дембель, соображая, что, кроме креста, эта человеческая, будь она неладная, масть несет еще и погоны, правда, иной раз — без единой лычки, но это от чистой совести. Вот только когда он допилит до дома, будет ли на душе легче? Ведь Лена осталась там. — Я... Я... — с отчаянием затряс головой Степанцов, и непрошенные слезы крупно закапали на рукав. — Два года! Черт! Родине!

Он одним махом смахнул с лица эту позорную для гвардейца слякоть и мигом опустошил стакан.

— Да вы закусывайте! — ласково подбодрил пассажир, ломая тонкими пальцами колбасу. — На меня не обращайтесь внимания. Я, знаете ли, не могу в дороге есть.

— Я... Я... Эх, би-лин! — махнул рукой Степанцов и, уронив голову на грудь, затих.

4

Однако сонный полумрак вагона и монотонный стук колес не усыпил гвардии рядового, несмотря на то, что голова кружилась и все вокруг убаюкивающе покачивалось. В груди подколотной змеей гнездилась все та же несносная тоска по жене начштаба, и энное количество огненной воды, выпитой с незнакомцем, не только не притупило, а наоборот разожгло тревогу в его легкоранимой дембельской душонке. «Любовь не шутка, даже солдатская», — горько заключил Иван и в ту же секунду совершенно отчетливо услышал, как рядом всхлинула Елена.

Он вскинул голову и со стоном зажмурился от резкого солнечного света, ударившего в глаза. Одновременно он услышал ликующий персидский гогот, свист хлыстов и жалобный плач рабынь. «Так и есть, этот кировский выродок Камбиз все же пошел войной на Египет», — догадался солдат.

Степанцов стащил с лица ладони и увидел огромную площадь перед храмом Озириса на краю Мемфиса. Кругом кишмя кишели персидские воины, а в самой их гуще на высоком деревянном помосте восседал молодой наследник Кира с умными глазами, до очертания напоминающий какого-то известного шахматиста. Перед ним стоял Псаметих с абсолютно каменным лицом, и дембель догадался, что свой долг перед человечеством фараон исполнил — вот почему его вид был таким спокойным и взор

устремленным в пространство. Теперь вся основа сокровенных знаний была надежно упрятана в карты, и тот, кому доступен язык метафоры, несомненно, поймет первопричину четырех мастей. Из карт он поймет, что все расы на земле проходили и будут проходить одну и ту же эволюцию от самой что ни на есть ничтожной шестерки до козырного туза. Кто умеет видеть, тот увидит, что человеческое общество на Земле всегда делилось на три части. К самой примитивной относится чернь, которая в картах обозначена числами. Таким людям не дают вселенских имен, и боги распознают их по цифрам. Те, кому доступны любовь и страсть, обозначены в картах картинками. И, наконец, тузы — добродетельная часть человечества. Это, несомненно, философы и поэты, да еще жрецы и фараоны. Однако, как видно из этого варварского расклада, иногда и шестерка побивает туза.

Псаметих стоял перед персидским завоевателем с отсутствующим взором, и на его лице не читалось ни страха, ни скорби — только величественная покорность перед судьбой. Было видно, с каким равнодушием он относился к тому, что происходит вокруг. А, между тем, его милых дочерей и красавицу жену облачали в презренные одежды рабынь, и только на любимую дочь Елену никак не могли надеть это позорное для принцессы платье. Она ежеминутно вырывалась из грубых солдатских рук, отчаянно царапалась и громко плакала, хотя дочерям фараона не положено плакать. А возле нее пыхтел и тряс своим жирным животом начальник штаба майор Тундряков, которому принцесса была отдана на поругание.

Камбиз сверлил Псаметиха взглядом умного человека, и никакой радости не читалось на его угрюмом лице. Он щелкнул пальцами, не шевельнув при этом ни единым мускулом на скулах, и к нему подвели юного сына Псаметиха. Но и тогда ничто не дрогнуло у плененного фараона. Камбиз после тяжелого молчания коротко произнес:

— Казнить!

Сзади ахнули и трусливо умолкли. В ту минуту даже рабыни перестали причитать, даже верблюды прекратили свой бессмысленный рев. Следом утихли персидские хлысты на египетских спинах, и в задних рядах оборвался бравый солдатский гогот. Смертельная тишина, какой уже не помнила площадь со времени ассирийского нашествия, воцарилась над головами. Но и тогда ничто не изменилось на каменном лице фараона.

— Что же ты, сукин кот, только водку хлестать горазд? — в панике забормотал дембель, сверкнув на попутчика глазами. — Попроси за сына, козел! Сломи свою фараонскую гордость!

И вдруг в толпе плененных лучников, понуро сбившихся в кучу подобно стаду овец, Степанцов увидел... самого себя.

— Би-лин! Да ведь казнят и звания не спросят. У, деспоты иранские!

Впрочем, он — человек маленький. Всего лишь лучник. Всего лишь шестерка в этой путаной карточной колоде. Ну, может быть, семерка, поскольку попадает с пятидесяти шагов в самый узкий азиатский глаз. Таких обычно не убивают. Такими пополняют войско. Что делать? Таков расклад! Куда нам, бедным да подневольным, когда и киты мира сего не знают, куда плыть? Прикажут пойти войной на эфиопов — пойдем войной!

Принцу, не спеша, набросили на шею веревку и грубо поволокли на каменный помост.

Камбиз под величественную тишину поднял палец вверх и угрюмо указал на Псаметиха:

— Казнить!

Площадь ахнула и испуганно отпрянула назад, пораженная бессмысленной жестокостью владыки Персии. Даже царская стража смутилась и замешкалась, но потом, устыдившись своего малодушия, решительно подошла к фараону и набросила ему на шею веревку. Но внезапно Камбиз поднялся с места и раздраженно произнес:

— Не его. Вон того, по правую руку!

Молодой жрец, стоявший по правую руку от Псаметиха, побледнел, затравленно улыбнулся и вдруг бросился Камбизу в ноги.

— Пощади, владыка! Будь великодушен, как твой отец, великий Кир, снискавший славу во всей Азии! Зачем тебе кровь тех, которых ты уже победил, которые уже, повинувшись судьбе, склонили перед тобой свои горестные головы?

— Моих послов вы не пощадили, — хмуро ответил Камбиз.

И в эту минуту у Псаметиха, великого мудрого Псаметиха, последнего фараона Египта, как-то не по-царски дернулась щека. Он поднес к лицу ладони и заплакал.

Камбиз медленно сошел с помоста, приблизился к нему и с любопытством заглянул в глаза:

— Почему ты не плакал по своим дочерям и сыну?

— О несчастии друга я еще могу плакать, — тихо ответил Псаметих, — но мое собственное горе слишком велико, чтобы выразить его слезами.

С минуту молодой царь задумчиво смотрел в глаза египетскому фараону, затем медленно развернулся и направился на свое место победителя, которого никто никогда не посмеет осудить, кроме,

разве что, неба, да и это сомнительно. Он еще некоторое время смотрел в пустоту с лицом умного человека, и было заметно, как его терзают сомнения по поводу праведности небес: скорее всего небу одинаково безразличен и человек мыслящий и человек страдающий.

Камбиз тяжело поднял веки, из-под которых блеснул острый взгляд полководца, лишенный какого-либо тщеславия, презрительно осмотрел площадь, где воинов и пленных было больше, чем муравьев в муравейнике, и вдруг, будто о чем-то вспомнив, громко крикнул своей напуганной страже:

— Отменить казнь принца!

Однако было уже поздно...

Раздосадованный царь тотчас поднялся с места и, сквозь зубы обругав охрану, раздраженной походкой направился к колеснице.

И после этого площадь опять пришла в движение, словно заново завели эту проклятую машину, именуемую жизнью: вновь завопили рабыни, засвистели хлысты, и веселый хохот стал сливаться с горьким плачем, а рев верблюдов — со скрипом повозок. Но сквозь этот невообразимый шум Иван слышал только отчаянный вопль Елены, которую тащил за волосы потный, пузатый сотник с угрюмым лицом начальника штаба.

Бедного Псаметиха повели в храм Озириса, который стал для него временной тюрьмой. И когда он проходил мимо своих бывших лучников, робко сбившихся в кучу, его взгляд неожиданно встретился с растерянным взглядом Ивана, лучшего стрелка египетского войска. Великий фараон указал глазами на Елену и губами произнес только одно слово:

— Спаси!

5

А ведь не спас, не спас! И не потому, что струсил, а потому, что такова судьба! Потому, что так сложились обстоятельства! Потому, что такой получился расклад, в котором опять-таки лучший лучник египетской армии Иван Степанцов не был тузом!

Сначала его посадили в темницу, в которой чуть не выкололи глаза. Затем послали смертником в Эфиопию, где он едва не отдал концы от малярии. Хотя малярия в конечном итоге и уберегла его от ядовитых стрел эфиопов. А ведь если говорить по совести, то, пожалуй, можно было спасти принцессу.

— Би-лин! — пьяно простонал дембель и остервенело саданул по вагонному столику.

Ведь вправду было можно! В тот же день, с наступлением темноты, когда начались массовые грабежи и распутства. Никто, совершенно никто, ни одна персидская свинья, не обращала внимания на эту притихшую кучку египетских лучников, робко прижавшуюся к холодным глыбам храма.

Дембель поднял свои красные глаза на попутчика и подумал, что сегодня он никак не допил. Словно угадав его мысли, сосед услужливо улыбнулся:

— Еще по чуть-чуть?

— Можно.

Они выпили по четверти стакана, и незнакомец, обласкав солдата абсолютно трезвым взглядом, как ни в чем не бывало, спросил:

— Так все-таки перекинемся в дурачка, или вы не в духе?

— Сдавайте! — устало отозвался Степанцов и со свистом вздохнул.

Незнакомец снова принялся тасовать колоду и как бы ненавязчиво продолжать свое прерванное повествование:

— А еще четыре масти символизируются четыре социальных слоя, которые, будучи рядом, абсолютно не пересекаются между собой и живут каждый в своем мире. Вот почему Земля одним кажется раем, а другим адом.

— Мне только адом, — еле слышно прошептал дембель.

— Однако, несмотря на то, что в этом мире одновременно могут существовать все четыре расы, — продолжал попутчик, — только на одну — заметьте! — только на одну свыше поставлена ставка. В нашу эпоху козырная раса — белая. Кстати, козыри — буби! Ходите!

Дембель догадывался, что с расплывающимся взором и сумасшедшей тоской по Елене у него нет шансов не остаться в дураках, однако старался держать себя в руках, угрюмо сопел и что было сил напрягал свои дембельские извилины.

— В жизни, как в картах, — продолжал незнакомец, отбиваясь дамами от пылких солдатских девяток, — тот же расклад и та же последовательность, только нужно увидеть. Бито! В принципе, вся наша жизнь — это та же игра, но только по другим правилам. И самое главное правило — жить с ущемленной памятью. Большая и лучшая часть нашего «я» находится не здесь, потому что для этой ничтожной жизни она решительно ни к чему.

Дембель пыхтел, добросовестно вслушивался в слова собеседника и думал о Елене. Он думал, что когда прибудет на родину, то даже не заскочит домой бросить чемодан, а сунет его в камеру хранения и этим же поездом рванет обратно. Такое

решение не облегчило души, и он с остервенением принялся заваливать попутчика королями. «Би-лин! Таких козырей ему не жалко!»

— Но самое главное, что я хотел вам сказать, — ненавязчиво продолжал пассажир, перейдя на полусшепот, — это то, что какой бы расклад не выпал в этой жизни, всегда, — запомните! — всегда человек только песчинка в стихии обстоятельств.

После этих слов сосед на верхней полке страдальчески простонал и начал остервенело чесаться. Дембель приложил палец к губам:

— Мешаем спать.

— Да-да, давайте потише! — шепотом согласился пассажир. — Ваш ход. Берите!

— Сдаюсь.

Дембель бросил карты на стол и отвернулся к окну, всем видом показав, что ему не играется, что ему тоскливо, что ему не сыто, не пьяно и вообще не по себе. «А ведь, кажется, возвращаюсь домой», — криво усмехнулся он.

— А не посетить ли нам вагон-ресторан? — неожиданно предложил пассажир.

— Почему нет? — дернул плечами Степанцов. — Заодно и мозги проветрятся...

Они шли через душные вагоны, прокуренные тамбуры, грохочущие стыки, звонко хлопая железными дверьми и вызывая у встречных улыбки. Степанцов больше не в силах был сдерживать тоски, и он на ходу принялся излагать свои сердечные недуги этому странному человеку. Через минуту случайный друг знал, что в их части, да что в части, в целой армии было не найти красивее девушки, чем этой стройной черноволосой Елены, жены начальника штаба, которая младше его на двадцать лет. Ведь она ходит, как пишет, а пишет, как ходит, да так не по-армейски, что просто диву даешься, чего она нашла в этом старой обрюзглой образине?

Еще через пару вагонов незнакомец в подробностях узнал, как прибыла однажды утром Елена в часть, а в это время Ивана и еще троих его приятелей вели под конвоем на гаубвахту. Но даже и такое, не самое веселое в армии обстоятельство не помешало им присвистнуть при виде ее стройных ног. А дежурный офицер, державший за спиной руки и угрюмо смотревший в землю, не одернул и не проронил на это ни слова.

Пассажир веселиво улыбался, кивал, сочувственно поддакивал, а Иван никак не мог остановиться ни в прокуренных тамбурах, ни в гремящих стыках, ни, тем более, в вагоне-ресторане, где они сели

за столик и заказали шампанское с коньяком. Даже когда он цапнул за попку молоденькую официантку, и тогда не мог не излить, что Елену определили в библиотеку, и с того дня их гвардейская часть стала самой читающей в мире. И вот однажды в читальном зале, оставшись с ней наедине и разговорившись по душам, Иван бросил ей в лицо со своей солдатской прямотой:

— А ведь ты не любишь мужа!

Она вспыхнула и замолчала. Степанцов ушел и очень раскаивался в своей душевной простоте. Ведь, несмотря на то, что Елена слыла девушкой строгой, с ним, с Иваном, она всегда разговаривала запросто.

Небритый собеседник вежливо внимал, глотал рюмку за рюмкой и при этом ничуть не пьянел, а у солдата, между прочим, уже сильно заплетался язык. Однако присутствующие в ресторане еще могли разобрать про то, как он томился грустью безнадежной и все свое свободное время проводил в библиотеке за чтением всякой лабуды.

Три месяца библиотекарша была суха, а на четвертом внезапно расплакалась у него на груди. С того дня начальник штаба сделался мрачнее ночи.

— Вот же! — бил себя в грудь Степанцов, все более теряя свой перевозанный вид. — Вот какая у нас была любовь! Мы не боялись ничего! Но самое обидное, что мы даже ни разу не поцеловались.

Это были последние слова, произнесенные дембелем более-менее внятно. После них незнакомцу ничего не оставалось, как расплатиться с официанткой и поволочь беднягу обратно в купе. Степанцов то горько рыдал, то сурово потрясал кулаком, пытаясь рассказать попутчику, как однажды после отбоя они встретились в пустой бильярдной и не успели даже прикоснуться друг к другу, как их накрыл сам начальник части майор Тундряков с двумя командирами рот...

Спутник добросовестно волок Степанцова через вагоны и на его бессвязное бормотание сочувственно повторял:

— Обстоятельства, брат, обстоятельства истинные хозяева в этой жизни.

Наконец, гвардии рядовой был доставлен в купе и даже каким-то фантастическим образом заброшен на свою верхнюю полку. Однако и оттуда он продолжал проливать свои скупые армейские слезы и скулить о невыносимой судьбе.

А тем временем пассажир присел на прежнее место, тяжело вздохнул и в очередной раз полез в портфель. Он вынул очередную бутылку водки, неряшливо отгрыз зубами пробку,

налил полный стакан и с сожалением поднял взор на засыпающего спутника.

— Эх! — вздохнул он с тоской и одним махом опустошил стакан. — Отдыхай, дорогой. Но запомни, что в жизни, как в картах, только обстоятельства — истинные хозяева положения.

6

После этих слов снова с молчаливым недовольством завозился спящий сосед на верхней полке. Он несколько раз нервно перевернулся, точно Гоголь в гробу и, не найдя удобного положения, шумно вздохнул. После этого его ноги в адидасовских штанах неожиданно повисли напротив головы одинокого пьяницы.

— Нет, дорогой мой, — произнес проснувшийся, — не всегда обстоятельства — истинные хозяева положения. Кто предпочитает действовать, а не ждать у моря погоды, тот становится хозяином обстоятельств.

— Ах, это вы? — грустно улыбнулся пьянчужка, ничуть не удивившись. — Я, знаете ли, предчувствовал, что опять встречу с вами.

— А я уже в этом вижу определенную закономерность, — ответил пассажир и бодро прыгнул вниз.

Если бы Степанцов в ту минуту не был в отрубе, то нашел бы, что лицо проснувшегося попутчика ему очень даже знакомо. Даже с раздвоенной видимостью он бы отдал палец на отсечение, что перед ним точная копия Камбиза. Хотя нет, какого к черту Камбиза? Какого-то известного общественного деятеля, точнее — шахматиста, который время от времени мелькает на телевидении, особенно после побед на чемпионатах.

— Когда я беру билет, — продолжал пассажир в адидасовском спортивном костюме, — то требую в кассе то место, в котором предпочитаю ехать, потому что даже в мелочах хочу быть хозяином собственной судьбы. А вы, насколько я догадываюсь, предпочитаете полагаться на случай? Однако почему наши места всегда оказываются рядом? Может быть потому, что мы играем в одну игру?

— Может, и в одну, — грустно улыбнулся пьяница, с сожалением подняв глаза на Степанцова. — Только вы шельмуете.

— Бросьте! — усмехнулся сосед. — Шельмовать можно в карты, поскольку они закрыты от соперника. Но я не играю в слепые игры, а играю только в те, где обстоятельства подчиняются уму, а не случайному раскладу.

— Только не говорите, что шахматы изобрели вы, персы, — затряс головой пьяница. — И не говорите, что вы на зло нам зашифровали в них сокровенные знания человечества, поскольку не захотели смериться с вечностью порока.

Пассажира сердито просквозил забулдыжку взглядом умного человека и с раздражением ответил:

— Мне кажется, достаточно взглянуть на шахматную доску, чтобы догадаться, что шахматы — детище Зендавесты, а не Брахманов, как считается в мире. Черная и белая клетки символизируют двух борющихся божеств, которые, — обратите внимания! — борются на равных. Во всяком случае, ни тому, ни другому не отдано предпочтения на полях. Заметьте, что количество фигур у борющихся сторон также одинаковое, а это значит, что с самого начала их силы были равны. И если они не равны сейчас, то это говорит о том, что кто-то играл умнее. Не правда ли, что всему этому учит Зендавеста, а не Индийские Веды. Посудите сами: у каждой шахматной фигуры, как и у каждого человека, свое предназначение и свое поле деятельности. Но одни играют черными, другие — белыми. Одним позволено ходить только по черным полям, другие — только по белым, а третьим позволено пересекать поля по вертикали. Но белый слон на белом поле никогда не пересечется с черным слоном на черном поле. Вот почему наша гигантская игровая площадка, именуемая Землей, может быть для кого-то адом, а для кого-то раем. Однако не это важно. Уверяю вас, совсем не важно, кто какими играет, а важно, что без противостояния не бывает игры, а, стало быть, — и жизни. А что касается незыблемости порока, то игра в открытую не является — пороком.

— Еще как является! — горячо возразил собеседник. — Играть вслепую — не порок! Порочно, когда подсматриваешь карты. Разве благородно садиться играть с теми, у которых заранее знаешь масти?

— Ой, только не надо пустых слов о благородстве! — брезгливо поморщился пассажир. — Нам ли с вами не знать, что благородство — это правило в правиле. Во вселенной не существует ни добра, ни зла, а существуют только условности, да еще временные правила для конкретно временной жизни: скажем, для вас, где обстоятельность довлеет над судьбами, и для меня, где рассудок подчиняет обстоятельства.

Никогда не пьянеющий пьяница ничего не ответил. Он молча налил в стакан водки и вопросительно уставился на попутчика.

— Нет-нет! Не употребляю, — отрицательно покрутил головой сосед.

— Ах, да! Забыл. Простите! — ухмыльнулся пьянчужка. — Вы ведь в последнее время предпочитает чай. И преимущественно — азербайджанский.

Бедняга грустно выпил в одиночестве, ничем не закусив, и тяжело вздохнул.

— Что мы втянуты в одну игру, не спорю, — произнес он после некоторого молчания, — но вы пренебрегли главным правилом в этой жизнью — блужданием впотьмах, или, как вы изволили выразиться, игрой вслепую. Две тысячи лет вы не выпускаете из рук шахматной доски.

— Но ведь и вы не расставались с картами, — улыбнулся сосед.

— Но я, по крайней мере, не тешил этим тщеславие, не зарабатывал на этом деньги, а уж тем более не учреждал какие-то подозрительные «инвесты».

— Неужели? — рассмеялся сосед. — Не тешили тщеславие, говорите? А не вы ли стали прообразом многочисленных литературных картежников, в том числе и Пушкинского Чекалинского?

На этих словах поезд тряхнуло, и с полки с грохотом свалился боец Иван Степанцов. Кажется, он прилично ударился затылком о столик, смахнув на пол стаканы, однако при этом не только не пискнул, но даже не проснулся. Когда, после совместных кряхтений, молодец был заброшен обратно, то он захрапел еще смачнее.

— Бедняга, — вздохнул пассажир с лицом Псаметиха и снова взялся за бутылку.

— Скорее, бедняжка она, — добавил собеседник и сочувственно покачал головой. — Как только он доедет до дома, тотчас про нее забудет! Начнет пить, угощать, друганов баловать...

— Не продолжайте! — вскрикнул пьянчужка и зажмурил глаза. — Не у вас одного способность к ясновидению. Я тоже в какой-то мере приобщен... как вы догадываетесь...

Голос у ясновидца осип. Он остановился на полуслове, часто заморгал и вдруг заплакал.

— Я знаю... Все знаю... Через месяц ее вынут из петли... И так каждую жизнь. А причина в том, что какой-то лучник не выполнил наказ фараона...

Вечерний свет потушили. Однако купе продолжали освещать пролетающие огни каких-то захолустных станций. В тягостном молчании прошло больше часа.

— Что ж, — нарушил молчание небритый пассажир, нашаривая на сиденье свой немодный плащ, — мне пора выходить. Как говорится, ни пуха!

— Да и мне через часик после вас, — ответил пассажир с умным лицом. — К черту! Все к черту!

— Прощайте, Камбиз!

— Прощайте, Псаметих! Хотя нет. Позвольте полюбопытствовать, как вы попали в мое купе? Ведь я купил в нем все места.

— Вам, должно быть, объяснить это проще, хоть вы и не верите в закономерность случая, — криво усмехнулся Псаметих и, щелкнув застежками своего скрипучего портфеля, вышел вон.

7

Наутро красный и трясущийся от негодования проводник долго тряс храпевшего дембеля. Дембель ни в коем случае не планировал просыпаться в такой час, поэтому сначала чмокал губами, потом бормотал угрозы и, когда разлеплял один глаз, совершенно искренне заверял, что полы в казарме блестят и сапоги надраены, как у ремня пряжка. После таких откровений Степанцов снова проваливался, как медведь в берлогу, и проводник, смахивая со лба пот, громко грозил милицией. В конце концов он догадался сложить ладони рупором и на весь вагон залихватски рявкнуть:

— А ну, выходи строиться!

В соседнем купе попадали с полком, а гвардии рядовой, наконец, удосужился продрать второй глаз. Вагонный сразу схватил его за грудки:

— Ты как оказался в этом купе, парниша?

Степанцов тупо смотрел на этого типа в синем кителе и никак не мог сообразить, что от него требуется: отдать честь или заехать по морде? Немного раскинув мозгами, дембель дремуче тряхнул головой и полез в карман за документами. Рылся он долго, неохотно, тяжело вздыхая и отчаянно вращая зрачками, наконец, из нагрудного кармана рубашки извлек мятый железнодорожный билет. Проводник вцепился в него, словно утопающий в соломинку, и, закусив губу, жалобно простонал:

— Но ведь твое место в соседнем купе!

— Разве? — почесал затылок дембель, не улавливая в этом криминала.

Его опять потянуло к подушке и он, повалившись на бок, уже собрался задать храпака, но проводник сердито указал на бутылки.

— Это что? Что это, я тебя спрашиваю!

Дембель нехотя скосил глаза под столик и, ощутив невыносимую боль в затылке, вяло бросил:

— Бутылки можешь забрать.

— Какой забрать? — взбеленился проводник. — Ты с кем вчера пил? Здесь был взвод, или, может, батальон?

Гвардии рядовой сообразил, что дело нешуточное, и что вчера, возможно, он кого-то по пьяни хорошо отделал, поэтому, собрав в кулак всю свою гвардейскую волю, приподнялся на локте и возмущенно сдвинул брови:

— А по какому поводу базар? С соседом что ли выпить нельзя?

Глаза проводника округлились, когда он прикинул количество бутылок под столиком. А у открытых дверей, между тем, стала собираться публика.

— Ты хочешь сказать, что столько выпил с гроссмейстером? — в ужасе прошептал проводник.

— С каким еще гроссмейстером? — обиженно пробурчал дембель, прикрывая ладонью разбитый затылок. — Я пил с этим, небритым, в помятой шляпе... Как его? Фараоном! А другой, который на полке, он всю дорогу спал.

— Что? Был еще третий? — не поверил ушам проводник. — Да я тебя за это на пятнадцать суток... Гад! Кто вам разрешил сюда впереться? Чемпион полностью купил купе, чтобы выспаться перед матчем.

Бедный вагонный сделал такое лицо, будто ему выдернули любимый зуб, а до гвардии рядового, наконец, начало доходить, что он ехал бок о бок с шахматистом мировой величины. С минуту солдат собирался с мыслями, тщетно вспоминая, кто вчера вечером заехал ему по затылку (уж не чемпион ли?), и что после этого с ним стало, да так и не вспомнив, стукнул себе по лбу.

— Би-лин! А я и не знал, что это гроссмейстер спит, а то бы непременно предложил ему партеечку.

Стоящие в проходе добродушно рассмеялись, а дембель с будливой ухмылкой стал тяжело спускаться с полки.

— Извини, мужик, что так получилось! Сам понимаешь, ошибся! С кем не бывает. Но, я думаю, ничего страшного. Чемпион не в обиде, — снисходительно потрепал за плечо проводника гвардии рядовой. — Давай лучше похмелимся и заодно обмоем мой дембель! Спирт пьешь?

А за окном продолжали тянуться эти бесконечные равнины и мелькать скучные захолустные станции...